Кулько Ксения Андреевна, аспирант кафедры истории журналистики, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: shapovalova1994@yandex.ru

ПУБЛИЦИСТИКА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ДИАЛОГЕ С ИДЕЯМИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О ПРАВОСЛАВИИ

В статье рассмотрены взгляды А. И. Солженицына, находившегося в «диалоге» с предшественниками, среди которых значимое место занимал Ф. М. Достоевский. Анализ текстов «Дневника писателя» Достоевского, публицистических и художественно-публицистических работ Солженицына позволяет понять, что среди концептов русской консервативной мысли вопрос о вере был ключевым. Сквозь призму православия оба автора рассматривают вопросы о власти, народе и национальной идее, ведут полемику с социализмом. Ранее созвучия во взглядах авторов рассматривались исследователями в рамках строго определенного тематического критерия без акцента на связующей функции православия. Результаты сравнительного анализа показывают, что оба автора доказывают необходимость сильной государственной власти, опирающейся на религию. Рассматривая вопрос о народе и вере, Достоевский обосновывает необходимость возвращения интеллигенции к сохранившему веру народу, Солженицын – делает акцент на страшных результатах атеизма. Достоевский осмысляет глобальную миссию России – несение православия миру, Солженицын призывает к «сбережению народа» и решению внутренних проблем. Публицистика Достоевского «христоцентрична», для Солженицына вера становится центральной темой, но религиозные вопросы рассматриваются более абстрактно.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, А. И. Солженицын, православие, христианство, публицистика, социализм, монархия, национальная идея.*

Kseniya A. Kulko, PhD student at the Chair of the History of Journalism, St.-Petersburg State University, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg, Russia; e-mail: shapovalova1994@yandex.ru

PUBLICISM OF A. I. SOLZHENITSYN IN THE DIALOGUE WITH IDEAS OF F. M. DOSTOEVSKY ABOUT ORTHODOXY

The aim of this article is to conduct a comparative analysis of the conservative ideas of A. I. Solzhenitsyn and F. M. Dostoevsky about the Orthodoxy. A detailed text analysis of Dostoevsky's "The Diary of the Writer" and of Solzhenitsyn's publicism allows to understand that the issue of the Orthodox faith was a key idea for the authors. Research results show that both authors consider the issues of monarchy, national idea, conduct polemics with socialism through the prism of Orthodoxy. However, different historical epochs explain the specificity of the theme

of Orthodoxy in the publicism of Dostoevsky and Solzhenitsyn and make it possible to see in their "dialogue" not only consonance, but also disagreement. Each of them connected the national idea with faith, but Dostoevsky proved Russia's global mission of carrying Orthodoxy to the whole world. Solzhenitsyn urged to concentrate on internal problems. Dostoevsky's journalism focuses on the ideas of Christ. For Solzhenitsyn, faith becomes the central theme but religious issues are considered in a more abstract way.

Key words: *F. M. Dostoevsky, A. I. Solzhenitsyn, Orthodoxy, Christianity, journalism, socialism, monarchy, national idea.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.162183

Введение

200-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского актуализировало рассмотрение его художественного и публицистического творчества в рамках многочисленных семинаров, конференций и выставок, освещающих творческий путь и биографию писателя. Однако представляется не до конца изученным взгляд на публицистику Достоевского через восприятие других авторов, которые были его идейными последователями и находились с ним в творческом «диалоге».

Между писателями и публицистами, отделенными друг от друга значительным временным промежутком, могут возникать идейные созвучия. Помимо современной ему действительности, автор имеет дело с предшествующими текстами и их творцами. Этот диалог не всегда заключается в полемике. Он может представлять собой преемственность ряда идей. Мысли писателей «могут вступать в диалогические отношения, если содержат общность темы или точки зрения» (Крохин, Волкова, Ершова, 2019: 59).

На созвучие идей в творчестве Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына и на сходство их судеб обратили внимание многие исследователи (Бушин, 2009; Захаров, 2005; Сараскина, 2006; Сашина, 2006). Оба автора вступили во второй брак, имели похожие творческие дебюты. И Достоевский, и Солженицын не избежали непростой участи писателя-христианина в России – «быть оклеветанным, оболганным, ненавидимым» (Сараскина, 2006: 587). Оба писателя прошли годы каторги. В молодости они были увлечены идеями социализма, а затем прошли путь отречения от них.

Как и предшественник, Солженицын получил сложный опыт страдания и духовного перерождения и «научился видеть в Достоевском

единомышленника и соратника» (Сараскина, 2006: 580). Одним из самых серьезных и глубоких нравственных вопросов, которые приближают Солженицына к Достоевскому, является вопрос о вере. Достоевский «раскрывает Христа в глубине человека, через страдальческий путь человека, через свободу» (Бердяев, 1997: 226). В русской религиозной философии XIX–первой половины XX в. христоцентричность понималась как «постижение всего человеческого через Христа и в Христе» (Бузук, Семаева, 2016: 62). Христос есть центр всего, основание и идеал. Для Достоевского Христос превращается не в абстрактную теорию и Нагорную проповедь, которой много внимания уделил Л. Н. Толстой, видевший в учении Христа практический смысл – соблюдение нескольких простых заповедей, очищенных от всякой мистики. Понимание Достоевского сложнее. Православная вера становится не набором обрядов, а основой жизни наций, нравственной силой, способной внести гармонию в душу человека и жизнь общества. Достоевскому близко такое понимание православия: «...это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации»[1].

Публицистика Достоевского и значительная часть публицистических и художественно-публицистических работ Солженицына по своему содержанию тяготеют к осмыслению важных аспектов русской консервативной мысли: вера в Бога, государственная власть и судьба русского народа. Глубокое личное восприятие православия находится в центре миропонимания авторов, находит отражение в их публицистике. Целью данного исследования стало проведение сравнительного анализа идей о необходимости православия в жизни русского народа в творчестве авторов двух веков. Нами сознательно выбран аспект, касающийся веры, так как он является одним из ключевых. Сквозь призму религиозной веры Достоевским и Солженицыным рассматриваются многие политические, социальные и нравственные вопросы: о сильной государственной власти, о народе и национальной идее, о пагубности безрелигиозного сознания.

Созвучия во взглядах Достоевского и Солженицына изучены достаточно глубоко, но рассматривались в рамках строго определенного тематического критерия: народ, земля, власть и т. д. Вне фокуса внимания остается именно вопрос о вере, который был точкой отсчета для рассмотрения многих острых вопросов соци-

ально-политической, экономической и духовной жизни. Эта тема ранее затрагивалась нами (Кругликова, Шаповалова, 2019). В настоящей статье мы опираемся на более широкий эмпирический материал и рассматриваем вопрос о вере в контексте других тем консервативной публицистики авторов. В настоящий момент исследователи признают «христоцентричность» публицистики Достоевского (Сараскина, 2006: 6), однако остается не до конца изученным вопрос, в какой мере это можно отнести к работам Солженицына.

Методология

Историко-сравнительный и биографический методы позволяют проследить диалогические связи между судьбами и творческим наследием обоих авторов. Структурно-семантический анализ дает возможность осмыслить публицистические работы и оценить степень преемственности определенных идей.

Эмпирическим материалом послужили публикации из «Дневника писателя» Достоевского и цикла «Крохотки» Солженицына. «Дневник писателя» выбран в качестве материала исследования, так как годы его издания становятся наиболее творчески продуктивными для автора, который в конце жизни переосмыслил многие идеи и сделал попытку «говорить с аудиторией “поверх барьеров”» (Волгин, 2011: 26) о внешней политике России, крушении общественных и нравственных устоев, о вере и духовном кризисе.

«Крохотки» имеют пограничную жанровую форму. Ряд исследователей считают, что Солженицын возрождает жанр лирической миниатюры, обращаясь к опыту И. С. Тургенева, М. М. Пришвина (Кодзис, 1997). Другие – признают «Крохотки» «малым эпосом» (Колобаева, 1999: 44). Мы придерживаемся точки зрения О. С. Макаровой, которая относит «Крохотки» к миниатюрам, органически сочетающим и художественное, и публицистическое начало (2011: 58). «Крохотки» документальны, так как автор описывает реальные события, однако в каждой миниатюре есть художественное обобщение. Эта особенность «Крохоток» сближает их с «Дневником писателя» Достоевского, жанровая природа которого тоже пограничная: фрагменты художественных текстов соседствуют с публицистикой, что было «рискованным литературным экспериментом» (Волгин, 2011: 11). К. В. Мочульский отмечает, что Достоевский «создает необычайно свободную, гибкую и лириче-

скую форму, полу-исповедь, полу-дневник» (1995: 35). Достоевский самим названием произведения дает указание на его дневниковость, Солженицын подобных определений избегает, хотя и «Крохотки» носят исповедательный характер, представляя собой некий путевой дневник. Однако и «Дневник писателя», и «Крохотки» в буквальном смысле не являются дневниковыми произведениями.

Так как вопрос о жанровой форме «Крохоток» остается дискуссионным, эмпирическая база была расширена за счет обращения к статьям и интервью Солженицына, а также к художественно-историческому исследованию «Архипелаг ГУЛАГ». Выбранный для нашего исследования временной промежуток (публицистика XIX и XX вв.) связан с потребностью авторов в мире неверия доказывать ценность веры, откликаясь на текущие проблемы политики и социальной жизни. Это обусловило стремление балансировать на грани между злободневной публицистикой и образностью художественного слова.

Формирование мировоззрения Достоевского и Солженицына

Достоевский вырос в патриархальной семье, где уважали идеалы православия. Солженицын тоже усвоил православную веру от родных, прежде всего от дедушки и бабушки Щербаков. Однако обоим писателям не удалось избежать давления «мира». На формирование взглядов Достоевского в молодости значительное влияние оказала литература, в частности романы Ж. Санд, а общественно-политические кружки Белинского и Петрашевского заострили в его сознании социально-демократическую проблематику. Писатель испытывал влияние идей французского утопического социализма, особенно учения Фурье, воспринимая социализм прежде всего через нравственные ценности.

На каторге и в ссылке мировоззрение Достоевского претерпевает трансформации. В 1850-е гг. Достоевский приходит к выводу, что для человеческой свободы необходимо совершенствование души, а не социальные преобразования. Многие исследователи (Васильев, 2010; Лосский, 1953; Никитин, 1990) обратили внимание на обращение Достоевского ко Христу как абсолютному нравственному идеалу.

В формировании взглядов Солженицына, как и Достоевского, ключевую роль сыграл жизненный опыт. Г. П. Жидков полагает, что видение Солженицыным социально-политической реально-

сти – это взгляд через «гулаговские очки» (1994). Нам представляется более убедительной оценка истоков солженицынского мировоззрения Даниела Дж. Махони: «Творчество Солженицына уходит корнями в его жизненный опыт, но отнюдь не замыкается этим опытом или личностью автора» (2010: 31). По мнению М. М. Голубкова (2004), на писателя заметное влияние оказали русские религиозные философы, среди которых Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. С. Соловьев. Л. Сараскина (2006) видит художественные истоки мировоззрения Солженицына в традициях русской классики. На наш взгляд, необходим комплексный подход, учитывающий социальный опыт писателя, художественные и философские истоки его взглядов.

Творчество Солженицына находится в диалоге не только с идеями Достоевского – элементы концепции Достоевского входят в его мир наряду с элементами других влияний. Сам автор отмечает, как много предшественников повлияли на его мировоззрение: «Пушкин, Лермонтов, Алексей Толстой <...> Достоевский, Лев Толстой, Булгаков, Бунин. У поэтов тоже я учился, хотя я и не поэт, здесь и Ахматова, и Цветаева. Я не вижу возможности всех перечислить»[2].

Солженицын признавал свое ученичество у предшествующей литературы, но всегда выделял Толстого и Достоевского. Он признает, что Толстой повлиял на него романом «Война и мир», и уже в восемнадцать лет Солженицын задумал нечто подобное – будущее «Красное колесо». Однако большее влияние на формирование духовных ценностей писателя оказал именно Достоевский, а не Толстой, который за радикальную критику церкви был обвинен в аморальном инакомыслии. Сам Солженицын подчеркивал свою духовную связь с Достоевским: «По своим духовным установкам Достоевский мне гораздо ближе Толстого»[3]. Так, в нашем исследовании внимание сосредоточено только на перекличке идей Солженицына и Достоевского.

«Болезнь века» и борьба с ней

Оба автора в молодости были увлечены идеями социализма, который воспринимали в идеально-нравственном свете. Достоевский вспоминал кружок Петрашевского, многие из участников которого были «заражены» убеждениями «о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о без-

нравственности религии, семейства...»[4]. Позже этот «мечтательный бред» многие радикально отвергли, но в юности – еще не осознавали «причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться»[5].

Молодой Солженицын тоже долгое время не знал «причин болезни своей». Постепенно детская набожность вытеснилась из сознания советской школой и комсомолом. В студенческие годы Солженицын искренне признавал себя приверженцем революционной теории. Участие в Великой Отечественной войне и годы каторги станут началом вызволения из духовного плена. Солженицын понимает после лагеря свою писательскую задачу как продолжение дела Достоевского: автор «Бесов» предупреждал о грядущей катастрофе – о сбывшейся катастрофе, участником которой был сам, будет писать Солженицын.

Достоевский жил в ту эпоху, когда в Россию проникали идеи нигилизма, атеизма, зарождающегося социализма. В «Дневнике писателя» автор предупреждал о том, что социализм – это не абстрактная социально-экономическая теория, а восстание против Бога. Для него примером человека, который пытался отвергнуть христианство, был Белинский. Он осознавал, что революция должна начаться с атеизма, поэтому ему «надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества»[6]. Учение Христа Белинский считал ложным человеколюбием, осуждаемым наукой и современной экономикой. В зрелом возрасте Достоевский видит опасность таких взглядов: если из жизни человека и всей нации исчезает божественное начало, наступает вседозволенность. Если дать возможность революции разрушить старое общество и построить новое, не опирающееся на христианство, то, по мысли Достоевского, «выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено»[7].

О пагубности революций писал Солженицын, живший уже в другую эпоху: «С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах — и носителей добра), само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство»[8]. Вера, по мнению автора, помогает нации сохранить нравственное здоровье: «С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира. Но можно в каждом человеке его потеснить»[9]. Однако если Достоевский в «Дневнике писателя» пи-

шет именно об учении Христа и опасности отказа от него, то Солженицын в своих рассуждениях избегает конкретики: он пишет о «правде» всех религий мира, не делая акцент на христианстве.

В консервативной публицистике авторов важное место занимает полемика с социализмом как антитезой христианству. Социализм соотносится с атеизмом, ведь построение нового мира на тех основаниях, что предлагают социалисты, требовало уничтожения религии как таковой. Следствием этого, по мнению Достоевского, будет не свобода, а порабощение, так как человек лишается нравственного долга: «...делая человека ответственным, – христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства»[10]. Солженицын отмечает, что Россия долгое время жила православием, сохраняя нравственное здоровье, а содержанием большевизма стал «неуемный, воинственный атеизм»[11]. Автор доказывает, что социализм лишен нравственного основания, что понятия «нравственность» и «социализм» как таковые несовместимы: «Но нигде в социалистических учениях не содержится внутреннее требование нравственности как сути социализма, – нравственность лишь обещается как самовыпадающая манна после обобществления имуществ. Соответственно: нигде на Земле нам еще в натуре не был показан нравственный социализм»[12].

Рассуждая о социализме, Достоевский лишь предвидел последствия нравственного насилия над человеком и «контроль самой деспотической власти»[13]. Солженицын эти последствия видел лично и стал свидетелем того, как утопия марксизма привела к истощению народных сил и утрате веры.

Катастрофа безрелигиозного сознания

«Пресветлый лик богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота»[14] – идеал, который утверждал Достоевский. Но ему, как позже и Солженицыну, пришлось вести разговор о вере в эпоху неверия. Во времена Достоевского активно развивались естественные науки и философия материализма, желающая избавиться от божественного начала в мире. Все это порождало скептические настроения среди ин-

теллигенции. Истинным хранителем православной веры, по мнению Достоевского, оставался простой народ. Отдаляясь от народа, интеллигенция отдалялась и от веры в Христа.

Большое значение для Достоевского обретает идея возвращения образованного сословия к народу, то есть возвращения к тем христианским идеалам, которые сохранились в народной среде. Рассуждая об этих началах, Достоевский писал: «Наш народ хоть и объят развратом, а теперь даже больше чем когда-либо, но никогда еще в нем не было безначалия <...> А идеалы в народе есть и сильные, а ведь это главное: переменятся обстоятельства, улучшится дело, и разврат, может быть, и соскочит с народа, а светлые-то начала все-таки в нем останутся незыблемее и святее, чем когда-либо прежде»[15]. В «Дневнике писателя» Достоевский отмечал, что народ часто обвиняют в неграмотности и отсталости. Однако автор считал, что в вопросах веры народ понимает больше интеллигенции: «Знает же народ Христа бога своего, может быть, еще лучше нашего, хоть и не учился в школе. Знает, – потому что во много веков перенес много страданий и в горе своем всегда, с начала и до наших дней, слыхивал об этом боге-Христе своем от святых своих, работавших на народ и стоявших за землю русскую»[16]. С народной верой Достоевский связывал истинную образованность: «...даже самые темные слои народа нашего образованны гораздо больше, чем вы в культурном вашем неведении об них предполагаете»[17].

Солженицын не мог согласиться с таким идеализированным пониманием народной души и считал, что Достоевский преувеличил миф о простом русском человеке: «Мне пришлось <...> рассматривая картины революции, увидеть противоположное. Сплошное безумие охватывает массу, все начинают грабить, бить, ломать и убивать так, как это бывает именно в революцию. И этого святого «богоносца», каким видел его Достоевский, как будто вообще не стало»[18]. Такая полемика со взглядами предшественника обусловлена тем, что эпоха Солженицына была более трудной для разговора о вере. В XX в. речь шла уже о последовательном ее изгнании. В одном интервью Солженицын сказал: «У нас православие вошло в систему мышления и систему чувств. И когда писал Достоевский – это все еще сохранялось в огромной степени, но с конца XIX века, с девяностых годов XIX века, и начала XX века стало выветриваться даже в деревнях. И это подготовляло нашу революцию»[19]. Размышляя о причинах революции в России, Солженицын приходит к выводу: «Смута послана нам за то, что народ Бога забыл»[20]. В XX в. уже

нет места идеализации простого русского человека. Солженицын не утверждает напрямую необходимость веры, а чаще, чем Достоевский, обращается к страшным последствиям неверия. Он описывает «катастрофу гуманистического автономного безрелигиозного сознания»[21], свидетелем которой стал, и осуждает людей, у которых «поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом»[22].

Разрушение храмов, забвение православных традиций – эти мотивы часто возникают в сборнике Солженицына «Крохотки». В миниатюре «Приступая ко дню» автор с горечью признает, что заботу о здоровье души, которое приходило с молитвой, люди заменили заботой о физическом состоянии. Молодые люди делают упражнения с усердием, будто они молятся: все стали «ложиться ниц», «воздевать руки». Солженицын иронично сближает зарядку с молитвой: деталь вырастает в символ атеистического общества, которое «служит терпеливо и внимательно телу своему»[23], а не духу.

В «Крохотках» частым религиозным образом является церковь или колокольня. Солженицын считает, что именно вера на протяжении всей истории удерживала людей от того, чтобы не «опуститься на четыре ноги»[24]. Отказ от веры привел к разрушению многовековых традиций, культуры и нравственности. Укором современникам звучит финал миниатюры «Путешествуя вдоль Оки», в которой разрушают храм: «Ковыряй, Витька, долбай, не жалей! Кино будет в шесть, танцы в восемь...»[25].

Особняком стоит миниатюра «Колокольня». В ней автор тоже показывает уничтожение религии новой властью: описан город Калязин, затопленный большевиками, и его колокольня, которая и по сей день видна над водой. Полуразрушенная колокольня для Солженицына – олицетворение всей России, погубленной революцией. Но она уцелела – именно в этой «крохотке» проявляется надежда автора на то, что «православным делом» можно сохранить страну: «...ведь стоит колокольня! Как наша надежда. Как наша молитва: нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...»[26].

Ответственность власти перед Богом

Для Достоевского русская монархия была естественной частью жизни страны. В своих воспоминаниях Л. Ф. Достоевская пишет о том, что отец был приглашен как собеседник и наставник к цесаревичу Александру Александровичу. На приемах писатель поражал

окружающих отсутствием строгих правил при общении с императорской семьей. Достоевский позволял себе заговаривать первым, завершал беседу по своему желанию, увлеченно расхаживая по комнате[27]. Такое поведение было продиктовано восприятием государя как «народного царя», осознанием общности православного монарха и народа. Эта мысль не раз появлялась в поздних выпусках «Дневника писателя», в которых Достоевский сравнивал «отношение народа к царю, как к отцу»[28], власть которого дана свыше и который ощущает нравственную ответственность за народ.

В «Дневнике писателя» Достоевский подчеркивал связь между монархической идеей и православным миропониманием. Автор считал, что у царя и народа общая задача – служить Христу и хранить веру[29]. Понимание роли монарха как хранителя православия актуализировало в публицистике Достоевского вопрос о судьбе русского народа и интеллигенции. Выстраивается треугольник царь – народ – интеллигенция, основанием которого являются царь и народ – носители религиозной идеи. Представители интеллигенции, напротив, являются носителями идей материализма и атеизма. Такой антагонизм – трагическая черта устройства русского общества. Преодолев ее, можно прийти к гармоничному развитию.

Солженицын не сразу приходит к идее связи между православием и традиционными формами государственного устройства. Живя в другую эпоху, он был под влиянием советского воспитания. После войны и лагеря Солженицын стал противником всех авторитарных режимов, в частности монархической формы государственности, однако позже осознал, что страшен не авторитаризм, а режимы, которые не несут нравственной ответственности ни перед кем.

Написав в начале 1970-х гг. «Письмо вождям Советского Союза», Солженицын предложил свой путь развития страны и введение демократических свобод. Однако автор понимал опасность социального хаоса, произошедшего при Временном правительстве. Солженицын признает, что Россия оказалась неподготовленной к демократии и многопартийной парламентской системе, а за последующие полвека готовность страны к этому только снизилась, поэтому внезапное введение демократии стало бы «новым горевым повторением 1917 года»[30].

Обращаясь к истории России, Солженицын связывает физическое и духовное здоровье нации с сильной властью, которая имела нравственное основание: «...тысячу лет жила Россия с авторитар-

ным строем – и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа. Однако выполнялось там важное условие: тот авторитарный строй имел, пусть исходно, первоначально, сильное нравственное основание – не идеологию всеобщего насилия, а православие...»[31]. В свои рассуждения Солженицын включает вопросы («Быть может, на обозримое будущее <...> России все равно сужден авторитарный строй?»), ответы на которые автор старается найти уже в более поздней работе – «На возврате дыхания и сознания». Солженицын признает, что, прежде чем жаждать политической свободы, надо представлять, что с ней делать, чтобы избежать «народоправства». Солженицын отмечает, что многопартийная парламентская система, существующая веками во многих европейских странах, столкнулась с политическим кризисом. Автор осуждает «традиционную пассивную подражательность Западу» и считает, что нужно искать иной путь. Не давая однозначных решений, Солженицын предлагает задуматься о том, что «эволюционное развитие нашей страны от одной авторитарной формы к другой»[32] могло бы быть для нее «естественней, плавнее, безболезненней».

Уже в зрелом возрасте Солженицын приходит к идее о том, что страшна не авторитарная система как таковая, а система, подавляющая внутреннюю свободу, когда «кесарю» требуется отдать еще и «Божие». Советская модель авторитаризма отказалась от православия как нравственного основания системы власти, поэтому, по мнению Солженицына, этот строй порочен: «Самодержцы прошлых, религиозных, веков при видимой неограниченности власти ощущали свою ответственность перед Богом и собственной совестью. Самодержцы нашего времени опасны тем, что трудно найти обязательные для них высшие ценности»[33]. Среди достоинств монархического строя, в основе которого лежала вера, Солженицын выделяет устойчивость и преемственность. Не призывая открыто вернуться к прошлому строю, автор отмечает, что реальных путей перехода к демократической республике в стране пока нет.

Достоевский и Солженицын осознают, что власть должна опираться на религию как на важнейшее нравственное основание. Однако разные исторические эпохи обусловили специфику звучания данной темы в публицистике. Достоевский признавал власть православного монарха как единственно возможную, власть царя для писателя – реалия его времени. Для Солженицына, напротив, царская власть осталась в прошлом, однако автор осмысляет

достоинства прошлого строя и признает, что Россия пока не готова переходить к демократии.

Национальная идея

Национальную идею Достоевский связывал с верой и называл ее «Православным делом». Писатель полагал, что Россия обладает внутренней драгоценностью – православием. Автор обращался к истории древней России и показывал ее желание прекратить близкие контакты с Европой, которая могла «вредно и развратительно повлиять на русский ум и русскую идею, извратить само православие»[34]. По мнению Достоевского, замкнутость – тупиковый путь. Ключевой становится эпоха Петра I: именно тогда был сделан первый шаг к приложению русского православия к всеслужению. Реформы русского царя, развернувшего Россию к Европе, расширили ранее замкнутую на себе русскую православную идею. Именно после реформ Петра формируется предназначение русской нации: «Братская любовь наша к другим народам <...> это потребность наша всеслужения человечеству...»[35].

Поскольку Достоевский считает необходимым единение всего славянства «под крылом России», постольку Константинополь должен принадлежать ей. Достоевский доказывает, что Россия – единственная настоящая покровительница православной веры и защитница тех народов, которые эту веру исповедуют. Отношение России к прочим православным народностям должно быть как к детям: «... она – покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа»[36].

Призыв ко взятию Константинополя в публицистике Достоевского – это призыв не к захвату или насилию, а к восстановлению Христовой истины, которая еще сохранилась на Востоке. В «Дневнике писателя» Достоевский связывает национальную идею с православием, которое Россия должна принести миру, и обозначает конкретную программу действий, для того чтобы русскую нацию сплотила борьба.

Именно вопрос о нравственной необходимости войны вызывает у Солженицына неприятие и резкую критику. Воротынцев, герой «Красного Колеса», называет «проклятым миражом» мечту интеллигентов России превратить Константинополь в центр славянского мира: «Вся идея возглавить славянство ложная, вместе и с Константинополем! <...> И что за тупая жадность – почти все-

общее ослепление этим Константинополем, будь он неладен! И Достоевский туда же»[37]. Солженицын вслед за своим героем укоряет Достоевского за мессианские идеи: «Есть-таки правда, когда упрекают российские государственные и мыслящие верхи в мессианизме и в вере в русскую исключительность. И покоряющего этого влияния не избежал и Достоевский, при его столь несравненной проницательности: тут — и мечта о Константинополе, и “мир с Востока победит Запад”, даже и до презрения к Европе...»[38].

Если для Достоевского нравственное здоровье народа тесно связано с целями великой державы, то для Солженицына эти вещи несовместимы. Он предлагает идею «сбережения нации»: целомудренно уйти «в свой дом», решая внутренние духовные проблемы, среди которых важнейшей является возрождение страны. Как необходимые условия этого возрождения Солженицын отмечает раскаяние и самоограничение.

Грехи, в которых нужно каяться, – важная тема публицистики и художественного творчества Солженицына. Это могут быть грехи личные, среди которых ложь, безответственность, насилие. Тема покаяния в личных грехах появляется еще в ранних произведениях, среди которых поэма «Дороженька». Покаянные места есть в статье «Раскаяние и самоограничение». В ней Солженицын утверждает, что у наций, как и у личности, мистическая нерукотворная природа. Для возрождения страны необходимо раскаяние не только личности, но и всей нации.

Дар раскаяния Солженицын во многом связывает с религиозной верой, искренне усвоенной русским народом. Автор обращается к истории и вспоминает, что до XVII в. Россия «так богата была движениями раскаяния, что оно выступало среди ведущих русских национальных черт»[39]. Опираясь на исследования В. О. Ключевского, Солженицын приводит примеры того, как русский народ, руководствуясь раскаянием, прощал долги, отпускал на волю рабов. Даже террор Ивана Грозного не был похож по своему масштабу на сталинский – во многом из-за умения царя раскаяться в содеянном. Если Достоевский придавал большое значение фигуре Петра I, так как именно он повернул Россию к Европе, расширил замкнутую на себе православную русскую идею, то Солженицын критикует реформы Петра I и Никона, так как после них, по его мнению, начинаются постепенный отход от веры, подавление русского национального духа и отказ от раская-

ния, без которых нельзя изменить экономическую и политическую ситуацию в стране.

После раскаяния личности и нации необходимо самоограничение. Экономический и геополитический аспекты этого понятия осмыслялись Солженицыным в «Письме вождям Советского союза», статье «Раскаяние и самоограничение», где автор призывал обособить политику и экономику от решения глобальных общемировых задач. Однако в понятии «самоограничение» важнее аспект онтологический, который осмыслен Солженицыным при получении премии «Фонда Свободы» (1976): «Подлинно человеческая свобода – есть от Бога нам данная свобода внутренняя, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них. И истинно понимает свободу <...> тот, кто имеет совесть ограничить себя»[40]. В Гарварде на выступлении перед выпускниками Солженицын заявил: «Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира»[41]. Данная идея самоограничения в сознании Солженицына не существует изолированно, она тесно связана с понятиями, важными для христианина: совесть, свобода, выбор, ответственность.

Таким образом, в качестве важной национальной идеи Солженицын выдвигает «сбережение народа» и возрождение России. Идея Солженицына тоже связана с «православным делом», но не в том значении, в котором понимал эту формулировку Достоевский. Для Солженицына «православное дело» нации – не несение этой веры всему миру, а сосредоточенность на внутренних проблемах страны, раскаяние народа и обретение утраченной веры, а также самоограничение нации.

Выводы

Как писатель и публицист А. И. Солженицын во многом опирается на традицию, находясь в «диалоге» с идеями предшественников. Мысли Ф. М. Достоевского соседствуют с элементами других влияний, в особенности – с идеями Л. Н. Толстого. Однако в осмыслении вопросов веры Достоевский оказался для Солженицына гораздо ближе. Авторов отделяет большой временной промежуток, за век в русской социальной, экономической, политической и духовной жизни многое изменилось. Поэтому в «диалоге» Солженицына с идеями Достоевского присутствуют и созвучия, и споры.

Вера для авторов является не набором нравственных постулатов и обрядов, а живым, глубоким чувством, организующим жизнь личности и нации. Среди многочисленных идей, которые развивают оба писателя, именно идея православия была ключевой. Сквозь призму вопроса о вере рассматриваются многие другие темы.

Оба автора вели полемику с социализмом как антитезой христианству, доказывая, что социализм поощряет вседозволенность, духовно развращающую личность. Человек же, по мнению писателей, рожден не для своеволия и не для земных благ – его задача выше и духовней. Достоевскому и Солженицыну пришлось вести разговор о вере в эпоху неверия. Если Достоевский доказывает необходимость обращения скептически настроенной интеллигенции к народу, который сберег православие, то Солженицын показывает страшные результаты безверия – опускание общества «на четыре ноги».

Оба автора приходят к выводу, что России необходима сильная государственная власть, опирающаяся на религию как важное нравственное основание. Однако для Достоевского власть православного царя была реалией времени, а в публицистике Солженицына мысль о монархии, опирающейся на православие, появляется как антитеза современному безрелигиозному режиму.

Характер и условия разных исторических эпох заставили авторов по-разному видеть судьбу русского народа и трактовать идею сбережения веры. Достоевский писал на волне экономического и политического взлета пореформенной России и мог отстаивать важность взятия Константинополя. Солженицын видел народ после революции и двух мировых войн, поэтому не задумывался о необходимости отстаивать сферы влияния в мировой политике. Мечты о воссоединении славян Солженицын считает наивными. Он полагает, что задача нации – решать собственные, внутренние, а не общемировые проблемы. Национальную идею Солженицын тоже связывает с верой, но назвать ее можно нравственным «сбережением народа» с помощью раскаяния и самоограничения. В центре внимания Солженицына часто оказывается именно национальный вопрос. Нельзя утверждать, что национальное автор ставит выше религиозного, эти два начала связаны, именно с позиции православной веры осмысляются некоторые национальные проблемы и пути их решения.

Достоевский гораздо чаще пишет о Христе, идеалах христианства. Солженицын, осмысляя религиозные темы, избегает конкретики, употребляя слова «религия», «вера», «Бог», «Господь». Край-

не редко в работах автора XX в. появляются рассуждения именно о Христе. Поэтому если публицистика Достоевского действительно «христоцентрична», то сказать это о работах Солженицына – сложнее. Религиозная вера – одна из центральных тем его консервативной публицистики, однако вопросы веры рассматриваются более абстрактно, часто акцент смешается на национальный вопрос и решение проблем русского народа.

Примечания

[1] *Достоевский Ф. М.* Продолжение предыдущего // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 510.

[2] *Солженицын А. И.* Из интервью газете «Фигаро». Париж, 19 сентября 1993 // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1997. Т. 3. С. 443.

[3] *Солженицын А. И.* Интервью с Хилтоном Крамером, критиком «Нью-Йорк Таймс», в связи с выходом английского перевода книги «Бодался теленок с дубом» // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1997. Т. 2. С. 525.

[4] *Достоевский Ф. М.* Одна из современных фальшей // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 196.

[5] Там же. С. 196.

[6] *Достоевский Ф. М.* Старые люди // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т.1. С. 49.

[7] *Достоевский Ф. М.* Одна из современных фальшей // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 198.

[8] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. С. 582.

[9] Там же. С. 582.

[10] *Достоевский Ф. М.* Злоба дня в Европе // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 2. С. 71.

[11] *Солженицын А. И.* Раскаяние и самоограничение // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 69.

[12] *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 37.

[13] Там же. С. 71.

[14] *Достоевский Ф. М.* Старые люди // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т.1. С. 49.

[15] *Достоевский Ф. М.* О том, что все мы хорошие люди // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 248.

[16] *Достоевский Ф. М.* Сбивчивость и неточность спорных пунктов // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 336.

[17] Там же. С. 336.

[18] *Солженицын А. И.* Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Шпигель» // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1997. Т. 3. С. 288.

[19] Там же. С. 290.

[20] *Солженицын А. И.* Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. Екатеринбург: У- Фактория, 1999. С. 633.

[21] *Солженицын А. И.* Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978 // Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль, 1997. С. 325.

[22] Там же. С. 325.

[23] *Солженицын А. И.* Приступая ко дню // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 551.

[24] *Солженицын А. И.* Путешествуя вдоль Оки // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 553.

[25] Там же. С. 553.

[26] *Солженицын А. И.* Колокольня // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 561.

[27] *Достоевская Л. Ф.* об отце / публ. *С. В. Белова* // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 307.

[28] *Достоевский Ф. М.* Пусть первые скажут... // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 2. С. 505.

[29] Там же. С. 505–506.

[30] *Солженицын А. И.* Письмо вождям Советского союза // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1.С. 181.

[31] Там же. С. 181.

[32] *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 47.

[33] Там же. С. 47.

[34] *Достоевский Ф. М.* Утопическое понимание истории // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб, 2011. Т. 1. С. 413.

[35] Там же. С. 413.

[36] Там же. С. 416.

[37] *Солженицын А. И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 9. С. 18–19.

[38] *Солженицын А. И.* «Русский вопрос» к концу XX века // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 661.

[39] *Солженицын А. И.* Раскаяние и самоограничение // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 59.

[40] *Солженицын А. И.* Слово при вручении премии «Фонда Свободы» // Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 232.

[41] *Солженицын А. И.* Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 327.»

Библиография

Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Париж: YMCA-Press, 1997.

Бузук Г. Л., Семаева И. И. Идеи христоцентрической антропологии в русской философии // Вестн. Полесск. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 62–68.

Бушин В. С. Неизвестный Солженицын. М.: Эксмо, 2009.

Васильев А. А. Мировоззрение почвенников (Ф. М. и М. М. Достоевских, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова): забытые страницы русской консервативной мысли. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Волгин И. Л. Поверх барьеров. Загадка «Дневника писателя» // Достоевский «Дневник писателя». В 2 т. М.: Книжный Клуб, 2011. Т. 1. С. 5–40.

Голубков М. М. Творчество А. И. Солженицына как итог литературного столетия // А. И. Солженицын и русская культура: научные доклады. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2004. С. 13–23.

Жидков Г. П. «Красное колесо» А. Солженицына глазами историка // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 216–221.

Захаров В. Н. О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского // Между двумя юбилеями: Писатели, критики и литературоведы о творчестве Солженицына. М.: Русский путь, 2005. С. 409–413.

Кодзис Б. Лирические миниатюры Александра Солженицына // Литература: Приложение к газете «Первое сентября». 1997. № 30. С. 3–4.

Колобаева Л. А. «Крохотки» // Феномен Солженицына. Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 43–48.

Крохин Н. П., Волкова Т. Н., Ершова Л. В. М. М. Бахтин о диалогичности слова и культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 4 (32). С. 58–69. DOI: 10.22405/2304-4772-2019-2-4-58-69

Кругликова О. С., Шаповалова К. А. Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын: преемственность идей в публицистике // Тетради по консерватизму. 2019. № 1. С. 103–117. DOI: http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-1-103-117

Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

Никитин В. А. Достоевский: Православие и “русская идея”// Социологические исследования. 1990. № 3. С. 125–131.

Макарова О. С. Структурно-смысловое единство миниатюр цикла «Крохотки» Солженицына // Мир русского слова. 2011. № 4. С. 57–61.

Махони Д. Дж. Солженицын-мыслитель / пер. с англ. *Е. А. Щербаковой* // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008. М.: Русский путь, 2010. С. 30–47.

Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.

Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях. М.: Русский путь, 2006.

Сашина А. С. «Достоевская» проблематика в публицистике А. И. Солженицына // Вестник ТГУ. 2006. № 4 (44). С. 511–514.

Notes

Dostoevskiy F. M. (2011) Starye lyudi [Old People]. In *Dnevnik pisatelya. V 2 t. T. 1.* [A Writer’s Diary. In 2 vol. Vol.1]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 49.

Dostoevskiy F. M. (2011) Odna iz sovremennykh fal’shey [One of Contemporary Falsities]. In *Dnevnik pisatelya. V 2 t. T. 1* [A Writer’s Diary. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 196.

Dostoevskiy F. M. (2011) Odna iz sovremennykh fal’shey [One of Contemporary Falsities]. In *Dnevnik pisatelya. V 2 t. T. 1* [A Writer’s Diary. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 198.

Dostoevskiy F. M. (2011) O tom, chto vse my khoroshie lyudi [On That We Are All Good People]. In *Dnevnik pisatelya: v 2 t. T. 1* [A Writer’s Diary. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 248.

Dostoevskiy F. M. (2011) Sbivchivost’ i netochnost’ spornykh punktov [Disconnectedness and Looseness of the Debatable Points]. In *Dnevnik pisatelya: v 2 t. T. 1* [A Writer’s Diary. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 336.

Dostoevskiy F. M. (2011) Utopicheskoe ponimanie istorii [The Utopian Understanding of History]. In *Dnevnik pisatelya: v 2 t. T. 1* [A Writer's Diary. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 413.

Dostoevskiy F. M. (2011) Prodolzhenie predydushchego [Continuation of the Preceding]. In *Dnevnik pisatelya. V 2 t. T. 1* [A Writer's Diary. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 510.

Dostoevskiy F. M. (2011) Zloba dnya v Evrope [The Latest News in Europe]. In *Dnevnik pisatelya: v 2 t. T. 2* [A Writer's Diary. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 71.

Dostoevskiy F. M. (2011) Pust' pervye skazhut... [Let Them Be the First to Speak...]. In *Dnevnik pisatelya: v 2 t. T. 2* [A Writer's Diary. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Knizhnyy klub Publ. P. 505.

Dostoevskaya L. F. ob ottse (1973) [Dostoevskaya L.F. About Her Father]. In S. V. Belova (ed.) *Literaturnoe nasledstvo. T. 86* [Literary Heritage. Vol. 86]. Moscow. P. 307.

Solzhenitsyn A. I. Arkhipelag GULAG [The GULAG Archipelago]. In *Sobr. soch. v 9 t. T. 5* [Collected works in 9 vol. Vol. 5]. P. 582.

Solzhenitsyn A. I. (1995) «Russkiy vopros» k kontsu XX veka [The "Russian Issue" to the End of the 20th Century]. In *Publitsistika v 3 t. T. 1* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhsk. kn. izd-vo Publ. P. 661.

Solzhenitsyn A. I. (1995) Raskayanie i samoogranichenie [Repentance and Self-Limitation]. In *Publitsistika v 3 t. T. 1* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhsk. kn. izd-vo Publ. P. 59.

Solzhenitsyn A. I. (1995) Raskayanie i samoogranichenie [Repentance and Self-Limitation]. In *Publitsistika v 3 t. T. 1* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhsk. kn. izd-vo Publ. P. 69.

Solzhenitsyn A. I. (1995) Na vozvrate dykhaniya i soznaniya [When Breathing and Consciousness Return]. In *Publitsistika v 3 t. T. 1* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhsk. kn. izd-vo Publ. P. 37.

Solzhenitsyn A. I. (1995) Pis'mo vozhdyam Sovetskogo soyuza [A Letter to Soviet Leaders]. In *Publitsistika v 3 t. T. 1* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhsk. kn. izd-vo Publ. P. 181.

Solzhenitsyn A. I. (1995) Na vozvrate dykhaniya i soznaniya [When Breathing and Consciousness Return]. In *Publitsistika v 3 t. T. 1* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl': Verkhne-Volzhsk. kn. izd-vo Publ. P. 47.

Solzhenitsyn A. I. (1997) Iz interv'yu gazete «Figaro». Parizh, 19 sentyabrya 1993 [From the Interview to Le Figaro Newspaper. Paris, September 19, 1993]. In *Publitsistika v 3 t. T. 3* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 3]. Yaroslavl': Verkhne-Volzh. kn. izd-vo Publ. P. 443.

Solzhenitsyn A. I. (1997) Interv'yu s Khiltonom Kramerom, kritikom «N'yu-York Tayms», v svyazi s vykhodom angliyskogo perevoda knigi «Bodalsya telenok s dubom» [An Interview with Hilton Kramer, Critic of The New York Times in Connection with the Publication of the English Translation of the Book "A Calf Butted Against an Oak"]. In *Publitsistika: v 3 t. T. 2* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 2]. Yaroslavl': Verkhne-Volzh. kn. izd-vo Publ. P. 525.

Solzhenitsyn A. I. (1997) Interv'yu s Rudol'fom Augshtaynom dlya zhurnala «Shpigel'» [An Interview with Rudolf Augstein for Der Spiegel Magazine]. In *Publitsistika: v 3 t. T. 3* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 3]. Yaroslavl': Verkhne-Volzh. kn. izd-vo Publ. P. 288.

Solzhenitsyn A. I. (1997) Rech' v Garvarde na assamblee vypusknikov universiteta 8 iyunya 1978 [Speaking in Harvard at the University Graduates' Assembly on June 8, 1978]. In *Publitsistika: v 3 t. T. 1* [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl'. P. 325.

Solzhenitsyn A. I. (1999) *Lenin v Tsyurikhe. Rasskazy. Krokhotki. Publitsistika* [Lenin in Zurich. Short Stories. Krokhotki. Journalistic Essays]. Ekaterinburg: U- Faktoriya Publ. P. 633.

Solzhenitsyn A. I. (2001) *Slovo pri vruchenii premii «Fonda Svobody»* [Speaking at the Presentation of the Freedom Foundation Award]. In *Sobr. soch. v 9 t. T. 7.* [Collected works in 9 vol. Vol. 7]. Moscow. P. 232.

Solzhenitsyn A. I. (2001) *Rech' v Garvarde na assamblee vypusknikov universiteta*[Speaking in Harvard at the University Graduates' Assembly]. In *Publitsistika*: v 3 t. T. 1 [Journalistic Essays in 3 vol. Vol. 1]. Yaroslavl'. P. 327.

Solzhenitsyn A. I. (2006) Pristupaya ko dnyu [Approaching the Day]. In *Sobr. soch. v 30 t. T. 1* [Collected works in 30 vol. Vol. 1]. Moscow: Vremya Publ. P. 551.

Solzhenitsyn A. I. (2006) Puteshestvuya vdol' Oki [Traveling Along the Oka River]. In *Sobr. soch. v 30 t. T. 1* [Collected works in 30 vol. Vol. 1]. Moscow: Vremya Publ. P. 553.

Solzhenitsyn A. I. (2006) Kolokol'nya [The Bell Tower]. In *Sobr. soch. v 30 t. T. 1* [Collected works in 30 vol. Vol. 1]. Moscow: Vremya Publ. P. 561.

Solzhenitsyn A. I. (2007) *Sobranie sochineniy v 30 t. T. 9* [Collected works in 30 vol. Vol. 9]. Moscow: Vremya Publ. Pp. 18–19.

References

Berdyaev N. A. (1997) *Mirosozercanie Dostoevskogo. Sobr. soch. v 5 t. T. 5* [Dostoevsky's World Outlook. Collected works in 5 vol. Vol. 5]. Paris: YMCA-Press Publ. (In Russian)

Bushin V. S. (2009) *Neizvestnyy Solzhenitsyn* [Unknown Solzhenitsyn]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)

Buzuk G. L., Semaeva I. I. (2016) Idei khristotsentricheskoy antropologii v russkoy filosofii [Ideas of Christocentric Anthropology in Russian Philosophy]. *Vestnik Polesskogo gos. un-ta.* 2*:* 62–68. (In Russian)

Golubkov M. M. (2004) Tvorchestvo A. I. Solzhenitsyna kak itog literaturnogo stoletiya [A.I. Solzhenitsyn's Work as a Conclusion of the Literary Centennial]. In *A. I. Solzhenitsyn i russkaya kul'tura: nauchnye doklady* [A.I. Solzhenitsyn and Russian Culture: scientific reports]. Saratov: Saratov State Univ. Publ. Pp. 13–23. (In Russian)

Kodzis B. (1997) Liricheskie miniatyury Aleksandra Solzhenicyna [Lyrical Miniatures by Alexander Solzhenitsyn]. *Literatura: Prilozhenie k gazete «Pervoe sentyabrya»* 30: 3–4. (In Russian)

Kolobaeva L. A. (1999) Krokhotki [Krokhotki]. *Literaturnoe obozrenie* 1: 43–48. (In Russian)

Krokhin N. P., Volkova T. N., Ershova L. V. (2019) M. M. Bakhtin o dialogichnosti slova i kul'tury [M. M. Bakhtin on the Dialogic Character of Word and Culture]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* 4 (32): 58–69. DOI: 10.22405/2304-4772-2019-2-4-58-69 (In Russian)

Kruglikova O. S., Shapovalova K. A. (2019) F. M. Dostoevskiy i A. I. Solzhenitsyn: preemstvennost' idey v publitsistike [F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn: Continuity of Ideas in Journalistic Essays]. *Tetradi po konservatizmu* 1: 103–117. DOI: http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-1-103-117 (In Russian)

Lossky N. O. (1953) *Dostoevsky i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and His Christian Worldview]. New York: Chekhov Publ. House (In Russian)

Makarova O. S. (2011) Strukturno-smyslovoe edinstvo miniatyur cikla «Krokhotki» Solzhenicyna [Structural and Semantic Unity of the Miniatures of the "Krokhotki" Cycle by Solzhenitsyn]. *Mir russkogo slova* 4: 57–61. (In Russian)

Mahoney D. J. (2010) Solzhenicyn-myslitel' [Solzhenitsyn the Thinker]. In *Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaya kritika 1974–2008* [Solzhenitsyn: Thinker, Historian, Artist. Western Criticism of 1974-2008]. Moscow: Russkiy put' Publ. Pp. 30–47. (In Russian)

Mochul'skiy K. V. (1995) Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevsky. Life and Work]. In *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow: Republic Publ. (In Russian)

Nikitin V. A. (1990) Dostoevskiy: Pravoslavie i «russkaya ideya» [Dostoevsky: Orthodoxy and the "Russian Idea"]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 3: 125–131. (In Russian)

Saraskina L. I. (2006) *Dostoevskiy v sozvuchiyakh i prityazheniyakh* [Dostoevsky in Consonances and Attractions]. Moscow: Russkiy put' Publ. (In Russian)

Sashina A. S. (2006) «Dostoevskaya» problematika v publicistike A. I. Solzhenitsyna. [Dostoevsky's Range of Problems in A.I. Solzhenitsyn's Journalistic Essays]. *Vestnik TGU* 4 (44): 511–514. (In Russian)

Vasiliev A. A. (2010) *Mirovozzrenie pochvennikov: zabytye stranitsy russkoy konservativnoy mysli* [The Worldview of Pochvenniks: the Forgotten Pages of Russian Conservative Thought]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. (In Russian)

Volgin I. L. (2011) Poverkh bar'erov. Zagadka «Dnevnika pisatelya» [Over the Barriers. The Secret of "A Writer's Diary"]. In *Dostoevskiy «Dnevnik pisatelya». V 2 t.* [Dostoevsky. "A Writer's Diary". In 2 vol.] Moscow: Knizhnyy Klub Publ. Pp. 5–40. (In Russian)

Zaharov V. N. (2005) O glubinnyh sovpadeniya Solzhenicyna i Dostoevskogo [On the Deep Similarities Between Solzhenitsyn and Dostoevsky]. In *Mezhdu dvumya yubileyami. Pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorchestve Solzhenicyna* [Between Two Jubilees. Writers, Critics and Literary Scholars About Solzhenitsyn's Work]. Moscow: Russkiy put' Publ. Pp. 409–413. (In Russian)

Zhidkov G. P. (1994) «Krasnoe koleso» Solzhenicyna glazami istorika ["The Red Wheel" by A. Solzhenitsyn Through the Eyes of a Historian]. *Otechestvennaya istoriya* 4–5: 216–221. (In Russian)

Поступила в редакцию
08.12.2020